
М.А. Васильева

ПРОБЛЕМА ДВОЙНИКА В РАБОТАХ ПРАЖСКОГО
СЕМИНАРИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДОСТОЕВСКОГО:
ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО

...Ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, *согласие*, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т. п. Эти особые отношения нельзя свести ни к чисто логическим, ни к чисто предметным. Здесь встречаются *целостные* позиции, целостные личности.

М.М. Бахтин. *Эстетика словесного творчества*¹

Недавний выход в свет трех сборников «О Достоевском» под одной обложкой помогает взглянуть по-новому на достоевсковедение межвоенной Праги². Некогда «периодическое отражение» работы Семинария по изучению Достоевского (сборники выходили в 1929, 1933 и 1936 гг.³), — исторически незавершенного (готовился еще один том⁴), обретает статус явления отдельного, единого и законченного — теперь парадигма, научная традиция, требующая уяснения ее имманентных законов и структуры. Редактор сборников А.Л. Бем (1886–1945?) о работе Семинария писал следующее: «Осенью 1925 г. был при Русском народном университете в Праге учрежден Семинарий по изучению Достоевского. По своему характеру это было скорее научное сообщество, чем университетский семинарий обычного типа. Вокруг него объединились главным образом уже сформировавшиеся ученые, интересовавшиеся творчеством Достоевского. Этим объясняется и то, что большинство докладов, прочитанных в нем, были затем напечатаны в разных научных изданиях. <...> Всего за время существования Семинария было прочитано 58 докладов на 53 темы. Докладчиков было — 21»⁵. Перечень имен, привлеченных в «университетский семинарий», впечатляет: только с 1925 по 1933 г. в его заседаниях приняли участие Н.О. Лосский, Д.И. Чижевский, В.В. Зеньковский, И.И. Лапшин, Л.А. Зандер, С.В. Завадский, Н.Е. Осипов, Е.А. Ляцкий,

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 300.

² Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. ст. под ред. А.Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М., 2007. (Далее — Вокруг Достоевского.)

³ Третий сборник, 1936 г., включал статьи только А.Л. Бема и был оформлен как его книга — имел авторство и заголовок: «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский». В настоящей статье при ссылке на работы из этого сборника, как и в подобных случаях, указывается только номер сборника и год: [Сб.] III: 1936.

⁴ O Dostojevském. Sborník Stati a materiálů. Praha, 1972.

⁵ Б<ем> А. Семинарий по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1933). [Сб.] II: 1933 // Вокруг Достоевского. С. 285.

А.В. Флоровский, П.М. Бицилли, Р.В. Плетнев и др. Очевидно, что Семинарий брал на себя задание возродить традиции академической жизни дореволюционной России, во многом он повторял традиции пушкинского Семинария С.А. Венгерова, участником которого был и сам Альфред Бем. Однако есть в работе пражского Семинария исключительная новизна, если не исследовательский «прорыв», которые можно ощутить только при последовательном чтении сборников «О Достоевском» — от статьи к статье, вооружившись методом, который сам Бем внедрил в литературоведение, определив его как «метод “мелких” наблюдений».

Что же открывается путем «мелких» наблюдений читателю? Прежде всего, полнокровная жизнь этого «научного сообщества», сумевшего выстроить многоуровневый диалог не только в межвоенной Чехословакии, но и за ее пределами. Как талантливый организатор научной и культурной жизни русской диаспоры, Альфред Людвигович Бем выстраивал не замкнутые системы, а диалоги. Такими «диалогическими» проектами стали День русской культуры, поддержанный во многих центрах русского рассеяния, его «Письма о литературе», априорно адресованные гипотетическому адресату-собеседнику, организованное им поэтическое объединение «Скит». Выбранная форма научного сообщества — семинарий — изначально подразумевала открытость. Если вывести за скобки культуртрегерскую деятельность Бема и поставить вопрос о его теоретическом наследии, то здесь диалог оказывается и предметом, и методом.

Метод, который Бем считал наиболее плодотворным, предполагает прежде всего уход от априорных установок. «Две черты» он назовет «особенно существенными: *постоянное обращение к тексту самого произведения и использование “мелких” наблюдений над текстом для целей исследования.* Автор исходил из убеждения, — продолжает Бем, — что в творчестве нет ничего случайного, что каждая мелочь имеет свой смысл и свое место в целом. Для познания этого целого необходимо тщательное наблюдение над каждой частностью, как бы она ни казалась на первый взгляд ничтожна»⁶. Обращение «к тексту самого произведения» сродни феноменологической максиме «к самому предмету исследования, к самим вещам!» («Zur Sache selbst!»). Феноменологическое испытание идей самими вещами диктует теоретическое сдерживание. В противовес «остроумным» схемам Бем выдвигает «тщательное наблюдение над каждой частностью», дескриптивный анализ. Не литературное произведение служит доказательством априорных построений исследователя, а сам текст таит в себе массу непрочитанного, не отмеченного внимательным глазом. Из этих «малых» величин, «мелких» наблюдений выстраивается живая траектория «науки о Достоевском»⁷. Метод Бема по-своему освобождал от предустановленных формул, завершенных конструкций, окончательных дефиниций. Сама же наука о Достоевском, компаративистика Бема глубоко связана с идеей дискуссии, «художественной полемики»⁸, «обнаружения творческих возбудителей, тех ферментов, которые вызывали реакцию в творче-

⁶ Бем А.Л. Предисловие. [Сб.] III: 1936 // Вокруг Достоевского. С. 414.

⁷ Он же. Вместо предисловия. [Сб.] II: 1933 // Там же. С. 204.

⁸ Он же. Предисловие. [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 413.

стве Достоевского, заставляли его откликаться на чужое творчество своим творчеством»⁹.

Современным литературоведением поставлен вопрос о том, что Бем был не только кропотливым исследователем, но и оригинальным теоретиком. С.Г. Бочаров обращает внимание на выдвинутую Бемом теорию «генетической памяти» литературы, непреднамеренных литературных припоминаний и проводит параллели между концепциями А.Л. Бема («литературные припоминания»), М.М. Бахтина («культурно-историческая телепатия») и В.Н. Топорова («резонантное пространство») ¹⁰. Концепция «литературных припоминаний» Бема получила обоснование в сборниках «О Достоевском»: в работе «Достоевский — гениальный читатель», вошедшей во второй сборник (1933), и книге статей Бема, составившей третий сборник (1936), — «У истоков творчества Достоевского: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский». Идея «генетической памяти» в достоевковедении Бема прочно зиждется на том, что «вся проблематика Достоевского... уже заложена была в творчестве предшественников» и «понять Достоевского вне русской литературной традиции невозможно» ¹¹.

От себя заметим, что теория «литературных припоминаний», помещенная в живую среду Семинария, была не только теорией. Скорее всего, вдохновитель Семинария А.Л. Бем, продвигавший идею взаимных «припоминаний» в художественной литературе, «транспонирования» ¹², «необычайной художественной восприимчивости к чужому творчеству» ¹³, понимал ее не только как тему компаративистики, но и как практическое задание в работе Семинария. Понятая так практика взаимных рецепций, перекрестных ссылок и припоминаний в Семинарии по изучению Достоевского делает общее исследовательское усилие взаимным транспонированием тем, методов и техник анализа текста. Выявление этой полифонии, «коридора голосов» и может представлять интерес для изучения наследия пражского Семинария по изучению Достоевского. Сопоставленные вместе, эти исследования являют собой новый дискурс. Он не ограничивается рамками Семинария, выходит за его пределы, «транспонируется» у каждого участника в самостоятельные концепции и в то же время, очевидно, сосуществует как взаимное «припоминание». «Так подражать значит творить самому, не подражать, а продолжать» ¹⁴, — цитирует Достоевского А.Л. Бем. Такие же глубинные, подземные переключки и «продолжения» мы находим в работах участников Семинария по изучению Достоевского. Однако при всей привлекательности уяснения хронологической последовательности взаимовлияний хотелось бы их уберечь от попытки последовательного линейного выстраивания, от «упорядочивания»,

⁹ Бем А.Л. Предисловие. [Сб.] III: 1936 // Вокруг Достоевского. С. 413.

¹⁰ См.: Бочаров С.Г. Генетическая память литературы: Феномен «литературного припоминания» // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 540–541, 548–549.

¹¹ Бем А.Л. Достоевский — гениальный читатель. [Сб.] II: 1933 // Вокруг Достоевского. С. 206.

¹² Он же. «Горе от ума» в творчестве Достоевского. [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 423.

¹³ Он же. Достоевский — гениальный читатель. С. 217.

¹⁴ Он же. «Скупой рыцарь» в творчестве Достоевского (вхождения и расхождения). [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 473.

понятийной окончательности. В этом диалоге каждый голос не завершен, не статичен, пространство обозначенных тем в работах Семинария не замкнуто. Разъятые по собраниям сочинений, упорядоченные по персоналиям, эти «голоса» обретают завершенность, но, помещенные в среду Семинария, существуют в ином качестве. Своеобразная взаимоперетекаемость идей, высказанных в работе Семинария по изучению Достоевского, их крайняя подвижность, открытость, вследствие этого нестатичность, неокончателность оборачиваются не теоретической слабостью, а методологической установкой — это и есть развертываемый на наших глазах и целенаправленно не завершаемый фундаментальный опыт.

Подобным развертываемым в работе пражского Семинария опытом стала проблема двойника, активно разрабатывавшаяся и в дискуссиях Семинария, и на страницах сборников «О Достоевском». Из истории Семинария следует, что тема двойничества была поднята одновременно Д.И. Чижевским («К проблеме двойника (*Из книги о формализме в этике*)») и А.Л. Бемом («“Нос” Гоголя и “Двойник” Достоевского»¹⁵). Доклад Бема был прочитан на Семинарии 14 ноября 1926 г., доклад Чижевского «К проблеме двойника...» — 19 февраля 1927 г. В дискуссию и открыто, и подспудно были вовлечены также Н.Е. Осипов, Н.О. Лосский, П.М. Бицилли, В.В. Зеньковский, — и это лишь очевидные переключки, «коридор голосов» был значительно шире. В пределах данной статьи укажем лишь на некоторые генеральные линии и темы, вокруг которых формировалось это «резонантное пространство».

Проблема «своего места» была обозначена в первой статье сборника — «К проблеме двойника (*Из книги о формализме в этике*)» Д.И. Чижевского. Автор статьи доказывает, что тема двойника «в различных видоизменениях возвращалась в его [Достоевского] творчестве вновь и вновь»¹⁶. Чижевский обращает внимание на ряд лейтмотивов повести «Двойник» — лейтмотив «самозванства», лейтмотив «совершенно подобных», лейтмотив потери «своего места». Чижевский подчеркивает, что «появление двойника и вытеснение им Голядкина из его “места” обнаруживает только иллюзорность¹⁷ этого “места”» и тем самым прочно связано с «проблемой устойчивости, реальности, прочности реального человеческого существования»¹⁸. Генезис проблематики «своего места» у Чижевского крайне сложен, многомерен. Одна из производных означенной проблемы — это традиции славянского барокко, идеи Григория Сковороды, Яна Амоса Коменского, идеи Н.В. Гоголя, высказанные, в частности, в его переписке с отсылкой к посланию апостола Павла (Евр. 6: 18–20), и т. д.¹⁹ Раздвоение личности, или двойничество, по Чижевскому, — это

¹⁵ Название доклада А.Л. Бема, прочитанного в Семинарии; см.: Бем А. Семинарий по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1933). С. 286.

¹⁶ Чижевский Д.И. К проблеме двойника (*Из книги о формализме в этике*). [Сб.] I: 1929 // Там же. С. 55.

¹⁷ Здесь и далее в цитатах курсив авторский.

¹⁸ Чижевский Д.И. К проблеме двойника... С. 58.

¹⁹ См: Он же. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. 1938. Кн. 67. С. 192.

следствие душевного распада, отсутствия «душевного якоря»²⁰, онтологической устойчивости, цельности: «...в душе Ставрогина нет “устремленности”, у него нет никакого душевного “магнитного меридиана” и для него нет того “магнитного полюса”, к которому влечется, по мнению Достоевского, всякая живая душа, — нет Бога. Живое, конкретное бытие человека, всякое его “место” в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием»²¹.

Работа Чижевского «К проблеме двойника...» (одна из первых его работ в области литературоведения) появилась во многом благодаря инициативе Бема²², однако прочно вписана в философское наследие Чижевского, мыслившего статью о «Двойнике» как часть масштабного исследования, посвященного критике этического формализма, две главы которой он опубликовал в издании Русского народного университета в Праге²³. Именно поэтому этико-онтологическую постановку вопроса о незаменимости, неповторимости каждой отдельной личности и о душевной катастрофе двойничества как потери онтологической устойчивости и прочности, «своего места» стоило бы рассматривать не только в контексте работы Семинария, но и дискуссии в пражском Философском обществе, развернувшейся 9 мая 1928 г. между Н.О. Лосским (доклад «Индивидуальное»), Н.Е. Осиповым («Понятие индивидуальности в медицине»), И.И. Лапшиным («Проблема индивидуальности») и другими членами общества²⁴. Характерную оценку концепции Чижевского, получившую дальнейшее развитие в статье «Zum Doppelgängerproblem bei Dostoevskij: Versuch einer philosophischen Interpretation» («К проблеме двойника у Достоевского: опыт философской интерпретации») ²⁵, дает в рецензии на издание Н.О. Лосский: «Чижевский вскрывает глубокий философский смысл двойничества как следствие нравственного упадка субъекта, именно невыполнение им своего конкретного индивидуального назначения, откуда возникает заменимость субъекта другими субъектами, утрата им своей неповторимости»²⁶.

Проблематика «своего места» получает свое транспонирование в статье «“Двойник. Петербургская поэма” Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра)»

²⁰ Чижевский Д.И. О «Шинели» Гоголя. С. 192.

²¹ Он же. К проблеме двойника... С. 62–63.

²² Сам Бем неоднократно возвращался к изучению проблемы двойника и настойчиво подчеркивал, что «одна из самых волнующих проблем Достоевского — проблема двойника» (Бем А.Л. Достоевский — гениальный читатель. С. 216).

²³ Чижевский Д.И. О формализме в этике: (Заметки о современном кризисе этической теории) // Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 15–29; Он же. Этика и логика: К вопросу о преодолении этического формализма // Там же. Прага, 1931. Т. 4. С. 50–68.

²⁴ См.: Янцен В. Русское философское общество в Праге по материалам архивов Д.И. Чижевского. Приложение: Чижевский Д.И. Философское общество в Праге [1924–1927] // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2004–2005 [7] / Под ред. М.А. Колерова и Н. Плотникова. М., 2007. С. 154–214.

²⁵ Dostojevskij-Studien. Prag [?], 1931. S. 10–50.

²⁶ Лосский Н.О. [Рецензия] // Современные записки. 1932. Кн. 49. С. 462–464. Рец. на кн.: Dostojevskij-Studien: Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. Reichenberg [?], 1931.

психиатра, основоположника чешской психоаналитической школы Н.Е. Осипова: «Проблема своего “я” возникает перед человеком, когда он недоволен своим положением, недоволен самим собою. Хотя Г. (здесь и далее в цитате речь идет о Голядкине. — М. В.) и проповедует, что “всякий должен быть доволен своим собственным местом”, но это для других, а не для себя. Из чувства недовольства самим собою или из чувства сознания собственной вины рождается желание стать другим, оставаясь прежним, — желание *преобразования*. У Г-а это желание разрешилось появлением двойника. Двойничество есть остановка на пути развития, преждевременная фиксация процесса преобразования. “Старенький” Г. не преобразуется в новенького, но ветхий (ветошка) остается наряду с новым»²⁷.

Лейтмотив «своего места» в прозе Достоевского прозвучал и в компаративистике А.Л. Бема. Уже в статье второго сборника «Достоевский — гениальный читатель», где дан сравнительный анализ повести Н.В. Гоголя «Нос» и Ф.М. Достоевского «Двойник», Бем творчески усваивает идеи Чижевского и развивает очерченную им проблематику «своего места», прочно связанную с «*этико-онтологической*» проблемой, проблемой устойчивости, реальности, прочности индивидуального человеческого существования»²⁸, незаменимости, невоспроизводимости, конкретности этического действия. «Поскольку личность индивидуальна и неповторяема, она должна занимать свое, совершенно определенное место в жизни. Стремление выйти за пределы этой положенной предопределенности является уже посягательством на чужое место, на вытеснение чужой личности из ее законных пределов», — пишет А.Л. Бем²⁹. Переключившись с Чижевским будет продолжена в фундаментальном труде «У истоков творчества Достоевского», где Бем, в частности, напишет: «У Достоевского эта мысль о “своем месте”, попутно затронутая Гоголем, получает неожиданно существенное значение. Он ее углубляет и связывает с проблемой самозванства. <...> В основе самозванства лежит психологическая черта недовольства “своим местом”...»³⁰ Демонстрируя творческую восприимчивость к идеям Чижевского, цитируя, порой почти дос-

²⁷ Осипов Н.Е. «Двойник. Петербургская поэма» Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра). [Сб.] I: 1929 // Вокруг Достоевского. С. 86.

Сугубо специальная работа Н.Е. Осипова, отсылающая к работам О. Ранка и З. Фрейда и использующая метод «мелких» наблюдений в его «психоаналитическом» аспекте, дала ряд остроумных литературоведческих замечаний о концепте двойничества в художественном дискурсе Достоевского: «Два писаря. — Две женщины... Два лакея... Две минуты, два шага» и т. д. (с. 86). Этот метод, граничащий со статистическим анализом, отсылал, однако, к «сфере психического бытия» («Достоевский-Голядкин всячески старается осмыслить себе явление двойника, нащупывая двойничество во всевозможных сферах бытия» (Там же)). Эта техника анализа текста, особенно активно используемая А.Л. Бемом, была также блестяще применена другими участниками Семинария в программных литературоведческих работах, созданных вне контекста Семинария; см., например, труды Д.И. Чижевского «О “Шинели” Гоголя» и П.М. Бицилли «Символика “Пиковой дамы”» (Slavia. Praha, 1932. Сель. 4. S. 556–560); «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (Годишник на Софийския университет... 1945 / 1946. Т. 42. Ч. 15. С. 1–72).

²⁸ Чижевский Д.И. К проблеме двойника... С. 59.

²⁹ Бем А.Л. Достоевский — гениальный читатель. С. 216.

³⁰ Он же. «Нос» и «Двойник». [Сб.] III: 1936 // Там же. С. 516.

ловно, пассажи из статьи «К проблеме двойника...», Бем, однако, как диалогический мыслитель, не просто повторяет идеи Чижевского, а продолжает, транспонирует их, придавая проблематике «своего места» новое звучание. Таким образом, траектория заявленной проблематики «своего места» получает сложное движение от этико-онтологической постановки вопроса (Чижевский) — к онто-герменевтике и далее — к технике анализа текста (Бем). Здесь Бему принадлежит заслуга этого филологического «скачка» от философии к тексту, от этико-онтологической постановки вопроса о безотносительной ценности конкретного — к лингво-эстетической проблеме уяснения «своего места» каждой частности в текстах Достоевского.

Разработка проблемы двойника в пражском Семинарии по изучению Достоевского затронула ряд тем, которые в те же годы разрабатывались и в России. Символические «повторы» становятся частью «культурно-исторической телепатии» Семинария. На работу В.В. Виноградова «Стиль петербургской поэмы “Двойник”»³¹ сам Бем ссылался неоднократно. Но были и «непреднамеренные» параллели. На одном из заседаний Невельского кружка Л.В. Пумпянский прочтет работу «Опыт построения релятивистической действительности по “Ревизору”» (1919), так и не вышедшую в свет при жизни автора. Характерные переключки в заочной дискуссии (Пумпянский — Чижевский — Бем) в пассажах, посвященных лейтмотиву «самозванства» в произведениях Гоголя и Достоевского, подтверждают бемовскую теорию «независимых совпадений», на которую указывает, в свою очередь, С.Г. Бочаров. В одном из пассажей Л.В. Пумпянский заметит: «Поступки самозванца несерьезны... объекты случайны и заменимы. Мы присутствуем при редкой по чистоте картине полного релятивизма, полной равноценности объектов и, следовательно, полного распада субъекта... перестает быть... подлежащее... призрак. <...> Дело в том, что интеллигентство само было слабой степенью безумия... Таково происхождения всякого якобизма, т. е. революционного самозванства: оно было полубезумием, когда читало красноречивый бред Руссо, стало менадой, когда попало на царство... Ах, как гениальна эта мировая комедия!»³²

Выстраивая сложную траекторию «взаимозаменяемость» — «самозванство» — «интеллигентство», Пумпянский вступал в многоуровневый резонантный диалог с достоевистикой русской Праги.

Именно в неустойчивости «я», «двойственности» и отвлеченности Чижевский видел причину появления двойника. Указывая на множественность «эманаций» Ставрогина в романе «Бесы», где идея двойника достигает своего апогея, Чижевский замечал: «Так живет Ставрогин среди “эманаций” своего духа, в мире

³¹ Виноградов В.В. Стиль петербургской поэмы «Двойник» // Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922.

³² Пумпянский Л.В. Опыт построения релятивистской действительности по «Ревизору» // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской классической литературы. М., 2000. С. 582.

призраков, “бесов”. Или, вернее, другие живут им... а сам он не живет, он — не реален, он — только *Самозванец*, в действительности и возможности, “*Иван-Царевич*”... “*Гришка Отрепьев*”... Ведь за ним идут живые люди, принимающие его за нечто совсем другое, чем он есть в действительности. Ибо в действительности он “рассыпан”, “двоится”, безлико-многоликий, вселикий³³. Причину этой неустойчивости Чижевский видит в отвлеченности, холодности абстрактного мышления ряда героев Достоевского (Ставрогин, Иван Карамазов), их укорененности в универсальном рационализме «русского просвещения XIX века»: «...и Ставрогин, и Иван Карамазов возможны только на почве русского “просвещения”...»³⁴ Именно в абстрактном мышлении допустима взаимозаменяемость, повтор, «совершенно подобные», «пассивные носители рационального принципа». Мир, утративший конкретность, «опустошен и высосан рациональным принципом». Очевидно, что параллель «интеллигентство» (Пумпянский) — «просвещение» (Чижевский) выстраивается именно на отношении к идеям взаимозаменяемости и повтора, допустимым в абстрактных построениях этического рационализма: «Мы присутствуем при редкой по чистоте картине полного релятивизма, полной равноценности объектов и, следовательно, полного распада субъекта» (Пумпянский); «Живой субъект этического действия становится, таким образом, бездушным носителем абстрактных велений закона, ненужным подвеском в системе нравственного миропорядка, — ненужным потому, что он может быть заменен любым другим этическим субъектом» (Чижевский)³⁵.

Тему «просвещения», заявленную в статье Чижевского, поддержал участник Семинария, преподаватель Софийского университета П.М. Бицилли. В рецензии на первый сборник «О Достоевском», которая, в сущности, стала дальнейшей разработкой проблемы двойника, Бицилли заметит: «Отъединение личности от Всеединства — есть то же самое, что и *распад* ее: “чистое” я тем самым перестает быть *индивидуумом* (не-делимым), утрачивает себя, свою *самость*. Это — болезнь “Просвещения” с его номиналистическим рационализмом (см. об этом ценные замечания в статье Чижевского). Обрести себя, преодолеть внутренний разлад — в пределе — распад личного сознания (безумие есть *моральная* болезнь) — утвердить *свою собственную* конкретность, — это и значит осознать конкретность Целого, Мира и Бога»³⁶. В этой же рецензии Бицилли сам указывает на «лабиринт голосов», рекомендуя прочесть первый пражский сборник «О Достоевском» параллельно с одновременно вышедшей книгой М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», отметив, что «обе книги взаимно дополняют одна другую»³⁷. Сам Бицилли провел эту сопоставительную работу в рецензии на кни-

³³ Чижевский Д.И. К проблеме двойника... С. 61.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ Там же. С. 68.

³⁶ Бицилли П. [Рецензия] // Числа. 1930. Кн. 2/3. С. 241. Рец. на кн.: О Достоевском: Сборник статей / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1.

³⁷ Там же.

гу Бахтина, вышедшую одновременно с рецензией на пражский сборник, указав на важнейшую параллель между книгой Бахтина и разработками пражского Семинария. Центральную мысль Бахтина о полифонической форме романов Достоевского он окружает контекстом идей Чижевского: «Достоевский стремится к наибольшей возможной конкретизации своих героев, а это значит, что они у него не объекты авторского восприятия, как у всех вообще романистов, но субъекты — в полном смысле этого слова. <...> Прекрасным комментарием к этому положению может служить статья Д. Чижевского»³⁸. И обратно — полемику Чижевского с кантианским этическим рационализмом Бицилли помещает в контекст идей Бахтина: «...у Бахтина великолепно выяснено стремление Д<остоев>-ского к *конкретизации идеи* (его борьба с кантианским формализмом): нет идей “вообще”, всякая идея звучит по-иному и имеет иной смысл... в зависимости от того, кем она высказана»³⁹.

Эта перекрестная ссылка указывала на глубинные переключки, возникшие в российской и эмигрантской достоевистике. «Чугунные идеи» подпольного человека, оторванного от реальности фантаста и мечтателя (работа А.Л. Бема «Драматизация бреда»); «одноэтажное бытие», неподвижные идеи этического рационализма (работы о «Двойнике» Д.И. Чижевского) и «идеологический монолизм» идеалистической философии («Проблемы творчества Достоевского» М.М. Бахтина⁴⁰) выстраиваются в сложный «лабиринт голосов», к которому примыкает также голос П.М. Бицилли, позже написавшего фундаментальную работу «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1945 / 1946), в которой получили «продолжение» и «транспонирование» идеи как Бахтина, так и участников пражского Семинария по изучению творчества Достоевского.

Работа Бицилли 1945 / 1946 г. подводила итоги целой традиции в достоевсковедении. Умолчание ряда источников⁴¹ или полемический пафос некоторых пассажей в работе Бицилли (например, полемика с рядом положений книги статей Бема «У истоков творчества Достоевского...») не снимают принципиального участия в этом «коридоре голосов». Литературоведческий контекст работы очень широк, в рамках данной статьи ограничимся указанием лишь на некоторые «точ-

³⁸ Бицилли П.М. [Рецензия] // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 636. Рец. на кн.: Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.

³⁹ Там же. С. 637–638.

⁴⁰ «Единство сознания, подменяющее единство бытия, неизбежно превращается в единство одного сознания; при этом совершенно безразлично, какую метафизическую форму оно принимает: “сознания вообще”, “абсолютного я”, “абсолютного духа”, “нормативного сознания” и пр. Рядом с этим единым и неизбежно одним сознанием множество эмпирических, человеческих сознаний. Эта множественность сознаний с точки зрения “сознания вообще” случайна и, так сказать, излишня. <...> Все, что существенно, что истинно в них, входит в единый контекст сознания вообще и лишено индивидуальности. <...> Все значимое можно собрать в одном сознании и подчинить одному акценту; то же, что не поддается такому сведению, — случайно и несущественно. Весь европейский утопизм зиждется на этом монологическом принципе» (Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. С. 76–79).

⁴¹ Так, например, глава в книге Бицилли «“Двояшки” и “два” у Достоевского и Гоголя» содержит очевидные переключки с работой Н.Е. Осипова «“Двойник. Петербургская поэма” Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра)» ([Сб.] I: 1929 // Вокруг Достоевского. С. 74–91).

ки схода». Наиболее существенная для самого Бицилли переключка с достоевсковедением Чижевского. Во втором сборнике «О Достоевском» Чижевский в статье «Достоевский-психолог» подробно останавливается на учении Достоевского о человеке, которое глубоко связано, по Чижевскому, с проблемой двойника. «Основная тема антропологии Достоевского — утверждение, что человек находится на границе двух миров, двух сфер бытия»⁴². В рамках Семинария Чижевский дает новое понимание бессознательного в творчестве Достоевского, тем самым уводя антропологию Достоевского-психолога от фрейдистской рецепции, привнесенной в Семинарий и психиатром Н.Е. Осиповым, и А.Л. Бемом. Чижевский разделяет бессознательное на два мира — подсознательное и надсознательное. Первое — источник умаления надприродного начала, низшая чувственная природа, «насекомость», здесь коренится утрата человеком устойчивости бытия. «Эта низшая природа человека иногда становится совершенно самостоятельной, отрывается от центра существа человека и начинает вести самостоятельную жизнь»⁴³. Второе — источник творчества, «вдохновения», воплощение «надындивидуального, откуда приходят в сознание индивидуума образы и идеи. <...> Но ярче всего слова Зосимы: “Бог родит мысли”»⁴⁴. По Чижевскому, мир Достоевского насквозь «прошит» этой «двойственностью тех двух сфер, которые воздействуют на душевную жизнь человека», что «ведет и к раздвоению в пределах самой сознательной жизни»⁴⁵.

Значительную часть программной работы о Достоевском П.М. Бицилли посвятит разработке темы двойничества, которую назовет «одной из доминант творчества Достоевского»⁴⁶. Транспонируя идеи Чижевского, подчеркивая, «что не следует смешивать антропологического подхода к проблеме “человека вообще” с “психоаналитическим”», Бицилли по-своему продолжает тему «двойственности двух сфер» душевной жизни героев романов Достоевского. «Сказанное, — замечает он, — выводит нас из пределов темы “двойничества” в строгом смысле этого слова... если под “двойником” разумеать образ, воспроизводящий в себе в крайней степени то, что его “прототип” в себе самом ненавидит и презирает, или то, в чем он видит свой идеал»⁴⁷. В интерпретации Бицилли двойничество достигает предельной степени: двойник зарождается у Достоевского не просто в пределе одного произведения, но всего творчества. Герой одного произведения может становиться двойником героя другого произведения, свободно перемещаться в пространстве прозы писателя, «ибо в сущности все произведения его составляют как бы *один* роман, “чистый” роман...»⁴⁸. Мысль для литературоведческих концепций Бицилли существенная: такой «мигрирующий» герой, будучи «эманаци-

⁴² Чижевский Д.И. Достоевский-психолог. [Сб.] II: 1933 // Вокруг Достоевского. С. 238.

⁴³ Там же. С. 241.

⁴⁴ Там же. С. 242.

⁴⁵ Там же. С. 243.

⁴⁶ Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. С. 493.

⁴⁷ Там же. С. 499.

⁴⁸ Там же. С. 501.

ей эманации», «двойником двойника», заставляет смотреть на все творчество Достоевского в его единстве. «Все написанное Достоевским может изучаться не “ди-ахронично”, а “синхронично”»⁴⁹. Именно эту задачу Бицилли некогда обозначил в письме к А.Л. Бему как важнейшую в достоевсковедении: «Должен сказать, что я стал в последнее время как-то совсем по-иному, чем прежде, воспринимать Достоевского, — в чем немалую роль сыграли как сборник (я имею в виду статью Чижевского и Ваши мысли о значении сна в творчестве Достоевского⁵⁰) и замечательная книга Бахтина, — напишет он 15 апреля 1930. — Но только — Бахтин не показал, как из полифонии выходит все-таки гармония, ведь fuga — это не все равно, что одновременное звучание разных мелодий — а в этом вся проблема, и вот я над ней ломаю себе голову»⁵¹. В исследовании Бицилли вплотную подходил к проблеме, над которой «ломал голову» еще до сотрудничества с Семинарием. По-своему эту проблему он решал в своей итоговой работе через проблему двойника.

Со временем труд Бицилли было высоко оценен именно как прорыв в исследовании проблемы двойника. «Не впервые, но наиболее точно о проблеме двойника заговорил П. Бицилли в небольшом исследовании “К вопросу о внутренней форме романа Достоевского”, — пишет современный исследователь. — Гипотеза следующая: нельзя ли рассматривать все существующие типы связей между персонажами в литературе Достоевского с точки зрения того, что Бицилли называет *эманацией*? <...> Иначе говоря, и если продумать до конца эту гипотезу, не придется ли нам построить нечто вроде двойной звездной карты, где два солнца: одно светящееся, яркое, распространяющее вокруг световые истечения, а другое черное, скрытое и тем не менее столь же ощутимо явное, как и первое — одно символ ДОБРА, другое символ ЗЛА?» Здесь же находим своеобразное продолжение развитой Бицилли концепции двойника: «Это негативное определение двойника, — замечает исследователь, — отрицательное; именно то “качество”, что отпадает от нас, которое мы хотим отбросить, может персонифицироваться»⁵². Это транспонирование идей, насаивание смысла на смысл, желание продолжить начатую некогда Бицилли траекторию — не случайно. Стиль исследования Бицилли был как нельзя близок к методу пражского Семинария, к тому «коридору голосов», участником которого был и Бицилли, профессор Софийского университета, автор, географически далекий от пражан. Его сотрудничество с Семинарием при очевидной «мимолетности» (всего один доклад, одна публикация) было куда теснее, чем может показаться на первый взгляд. Еще в ранний период становления научной деятельности Бицилли его читатель и рецензент В.В. Вейдле

⁴⁹ Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского. С. 500.

⁵⁰ Имеются в виду статьи Д.И. Чижевского «К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике)» и А.Л. Бема «Драматизация бреда (“Хозяйка” Достоевского)», опубликованные в первом сборнике «О Достоевском».

⁵¹ Письма П.М. Бицилли к А.Л. Бему / Публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой и Г. Петковой // Новый журнал. 2002. № 228. С. 129–130.

⁵² Подорога В.А. Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1: Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М., 2006. С. 496–497; 664.

дал на редкость точную характеристику стиля ученого: «...ход мысли не завершен, не увенчан, но мысли эти никогда не бесплодны, везде мы можем присоединиться и продолжать»⁵³. Эти незавершенность, нестатичность во многом и подготовили вступление Бицилли в диалог с пражским Семинарием и дальнейший выход за пределы этого диалога. Однако его наиболее точные концепции проблемы двойника неотделимы от разработок пражан. В свою очередь, современное исследование по аналитической антропологии В.А. Подороги вступает в «коридор голосов»: «завершая» мысль Бицилли — он возвращается к истокам этой мысли, к работам Д.И. Чижевского, Н.Е. Осипова, А.Л. Бема. Эта траектория напоминает скорее не замкнутую линию, а движение по спирали, в согласии с той практикой «вынуждения глубинного смысла» в диалоге — метода, который отличал работу пражского Семинария и который во многом обеспечил открытость его разработок для современных исследователей.

⁵³ Вейдле В. [Рецензия] // Дни. 1926. 31 янв. № 918. С. 4. Рец. на кн.: *Бицилли П.М. Этюды о русской поэзии*. Прага, 1926.